

Начнём с качелей. Каждая эпоха имеет какие-то свои знаковые предметы. Вот в наши дни вдруг везде стали появляться на площадях качели. Особенно большие, стильные поставили в Москве на площади Маяковского. Народ качается... И что-то это значит.

А это очень существенный знак.

Вот возьмём для примера два стихотворения – одно Николая Тряпкина «Качели, качели...», а другое Фёдора Сологуба «Чёртовы качели». Сологуб – поэт Серебряного века, очень насыщенного во всех отношениях, но духовно растерянного и разочарованного. Крах страны приближался. Это было время, когда Сологуб ощущал, что «человек человеку дьявол». Приведу это стихотворение полностью:

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает чёрт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеётся.
Вперёд, назад,
Вперёд, назад.

Доска скрипит и гнётся,
О сук тяжёлый трётся
Натянутый канат.

Снуёт с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И чёрт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперёд, назад,
Вперёд, назад,
Хватаюсь и мотаюсь
И отвести стараюсь

От чёрта тёмный взгляд.
Над верхом тёмной ели
Хохочет голубой:
– Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой! –

В тени косматой ели
Визжат, крутятся гурьбой:
– Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой. –

Я знаю, чёрт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки.

Пока не перетрётся,
Крутятся, конопля,
Пока не подвернётся
Ко мне моя земля...

Взлечу я выше ели
И лбом о землю трах!
Качай же, чёрт, качели,
Всё выше, выше...ах!

У Сологуба «Чёртовы качели» – это трагический миф о жизни, «чёртова жизнь», да и не миф, а сама жизнь. Человек здесь – пленник жизни. И всё вокруг поэта враждебно ему. Никто не сочувствует – толпа бездумно «визжит». Такой вот образ качелей жизни.

А вот качели Николая Тряпкина – совсем, совсем другие. Стихотворение 1959 года. «Качели, качели...» Сразу скажу, что у него стихотворение светлейшее, счастливейшее, п о б е д н о е ...

Качели, качели,
    Качайтесь, качели!
Чтоб доски ходили
    И крючья скрипели!
Чтоб доски ходили,
    Верёвки звучали!
Чтоб с наших затылков
    Шапчонки слетали!
Давайте, качели!
    Наддайте, качели!
К весёлой капели
    Грачи подоспели.
В деревне – качели,
    Петушки веснянки.
У нашего дома –
    Подснежники в банке.
Качели, качели!
    Взлетайте, качели!
Играют верёвки
    В ручонках у Вели,
Играют у Вели,
    Звенят у Маруси...
Эй, гуси вы, гуси,
    Далёкие гуси!
Не мешкайте, гуси!
    Мы вас ожидаем.
Мы к вам на качелях
    Гурьбой вылетаем.
Крылами гремите,
    К нам лето гоните,
Чтоб ягодки были
    У солнышка в сите,
Чтоб ягодки были
    У Маши в подоле!
Спешите, летите
    К нам, серые, в поле!
Давайте, качели!
    Наддайте, качели!
Чтоб в самом зените
    Пропеллеры пели,
Чтоб зимние бури
    В трубу не трубили,

Чтоб страшные волки
    В ночи не бродили!
Давайте, качели!
    Наддайте, качели!
За мокрые крыши
    Взлетайте, качели!
За облачный пояс
    Небесных карнизов
Бросайте вселенной
    Ликующий вызов!

Тряпкин, конечно, прежде всего «за всю Россию», за всю её историю, за всё её будущее и т.д., но когда великая страна рухнула, он твёрдо сказал: «За великий Советский Союз!/ За святейшее братство людское!/ О Господь! Всеблагой Иисус!/ Воскреси наше счастье земное». И такое он говорил много раз.

А главное – вся его поэзия проникнута духом советской жизни в её лучших устремлениях, духом коллективизма, верой в будущее. Его природный восторг от жизни соединился с советским идеалом – и мы теперь имеем, кажется, самого светлого русского поэта второй половины двадцатого века.

Образы качелей у Тряпкина и Сологуба очень разные. У Тряпкина ликующий образ. Здесь и прославление жизни, и Пасха православная – когда-то я тоже в деревне на Пасху качался на свежих качелях, такой был обычай (Тряпкин ни словом, естественно, не говорит о Пасхе, но всем было понятно, на какой праздник весной ладят по деревням качели) – здесь и радость советской жизни, как бы нынче сказали, «советского проекта» – отсюда и пропеллеры. А в это время уже и советские спутники полетели...Какая была невидаль! Какие перспективы! Какая радость! И она тоже отразилась в этом стихотворении.

Здесь в концовке при желании можно усмотреть и ту русскую теорию, над которой трудились космисты Фёдоров, Вернадский, Чижевский, о чём постоянно пишет Александр Проханов в своих передовицах, – преобразование «ветхого человека» и «ветхой Вселенной». Проханов считает, что это преобразование именно происходило в советское время при Сталине: «строительство заводов и колхозов, ликвидация неграмотности и создание научных центров, борьба с врагами и победы на фронтах войны, экспедиции на Северный полюс и насаждение лесов в пустынях – всё подчинялось непомерной задаче, одолению смерти».

Эти качели русские, но и советские. Это исконная народная жизнь, но и преображённая советским временем. Это очень ярко отразилось в картинах, например, Пластова, в музыке Свиридова.

Думаю, что Тряпкин знал стихотворение Сологуба, он много чего читал и знал. Знал и возразил ему своим радостным образом.

А если каким-то чудом не знал, то само новое время возразило тому времени.

Конечно, напомним себе, что это стихотворение написано в 1959 году. В восьмидесятые он бы такое светлое уже не написал, особенно в конце восьмидесятых... Закатывалась советская мечта за горизонт.

Так что же значат нынешние качели?

Думаю, являются попыткой возродить нормальную жизнь.

Дай Бог!

Кто-то скажет, что этого мало и что в России нормальная жизнь не рождает поэзии. Что нужна мечта. Пронзительная мечта.

Посмотрим.

Мне радостно, что мы с Николаем Ивановичем земляки. Родился он на Тверской земле в деревне Саблино. Сейчас это Старицкий район. А моя родина – Бежецкий район. Мы с ним несколько раз разговаривали о наших родных местах. Он обижался, что тверяки ни разу не позвали его побывать, выступить, вообще как-то интереса не проявляли.

Сейчас, правда, проводится, в эти дни, в Твери научно-практическая конференция «Горящий Водолей: к столетию Николая Тряпкина».

В стихах Тряпкина довольно много такого «районного» – бытовых деталей, настроения, районной укромности, деликатности. Но вместе с тем и открытости... Столичным жителем он стал уже в конце жизни, а до этого всё районы – под Тверью, под Архангельском, под Москвой. А таким одарённым личностям, как Тряпкин, из районов Космос виднее, чем из Москвы. Поэтому он довольно рано стал в стихах взмывать от борозды и самовара к небу. В его стихах рано появилось то, что называется «русским космизмом».

Конечно, не только поэтому, дар у него был такой. Этот дар он пронёс через всю жизнь. Он исполнил слова апостола Павла: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. Духа не угашайте». Он и радовался миру Божьему. Непрестанно молился стихами своими. Духа не угашал. Наоборот, взмывал духом постоянно. Бог дал ему такой дар.

Но и всё-таки имело какое-то особое значение для поэта место его рождения. Загадочные есть у него слова:

*И могу повторить, что родился я в сердце России, -
Это так пригодилось для всей моей грешной судьбы.*

Другой ведь может написать, что он родился, допустим, на Урале, и тоже сказать «это так пригодилось...» А кто-то родился на Камчатке, кто-то в Питере... В чём здесь, как нынче говорят, фишка у Тряпкина?

В том, видимо, что Николай Иванович воспринимал своё рождение «в сердце России» как знак державности (он, кстати, любил слово Держава, именно с большой буквы), особой ответственности, здесь средоточие всего, последний рубеж, здесь вся глубина русской истории и, безусловно, особая красота – здесь красота овеейна великой русской культурой. Это всё, мне думается, поддерживало поэта, давало ему силы, увлекало на творческие дерзания. В его родных местах и Пушкин творил...

* * *

Свои стихи Николай Иванович нередко называл п е с е н к а м и. Это одно из его особенных слов. В этом не самоуничижение, не прибеднение какое-то, а близкое пушкинскому «сказка ложь, да в ней намёк...» А потом не будем забывать, что Тряпкин пел свои стихи перед слушателями. Началось это пение с преодоления таким образом заикания, а вышло очень самобытное, какое-то уводя-

щее в древность, к истокам мировой поэзии исполнение.

У него сам Господь ему говорит: «Ты же, Тряпкин Николай,/ Заходи почаще в рай./Только песенки плохие/Ты, смотри, не издавай».

Песенки... Пел он их до последнего дыхания. И в конце жизни писал:

Меня били-колотили
И в столице, и в Тагиле.
А теперь меня забыли.
Что за прелесть! Как в раю!
Тропы гончие заглохли,
Раны старые засохли,
Долбуны мои подохли,
А я песенки пою...

Меня всегда восхищала работоспособность, постоянная вдохновлённость Тряпкина, особенно в конце восьмидесятых – начале девяностых, когда интерес к поэзии у современников стал явно падать, журналистика и политика всецело захватили внимание людей, а он писал и писал, пел и пел... Правда песенки стали теперь больше походять на пророческие скрижали, на яростные гражданские воззвания, на жаркую исповедь и гневный протест.

Видя, как много в это время публикуется стихов Николая Ивановича, я тогда в 1990 году написал полушутливое стихотворение:

О НИКОЛАЕ ТРЯПКИНЕ

Что-то мелко да илисто тут,
Молодёжь где недавно купалась...
Тряпкин вычерпал весь этот пруд,
И воды в нём почти не осталось.

Он как будто на свете один –
Всё он пишет, и пишет, и пишет,
До седин и уж после седин,
И завистливых вздохов не слышит.

Всё он вычерпал, всё захватил,
Остальные горюют на кочках.
...Боже, дай и ещё ему сил –
И Тебе хорошо в его строчках!

* * *

В хороших стихах слово значит намного больше того, что написано о нём в словаре.

Мы повторяем тряпкинские строки, допустим, «Скрип моей колыбели, скрип моей колыбели...» и при этом не колыбель свою вспоминаем, а настраиваемся на целый мир своего детства – тут и наши игры, и наши деревенские луга, и дали, и праздники, избы, пруды, речки... Всё это «скрип моей колыбели». А кто-то вспоминает городское детство.

Или вот знаменитое стихотворение «Летела гагара». Его многие знают в исполнении Северного хора или в исполнении студийцев Александра Васина, есть в детском исполнении. «Летела гагара./ Летела гагара/ На вешней заре... Кричала гагара./ Кричала гагара./ Над крышей моей./ Кричала гагара./ Что солнце проснулось./ Что море поёт./ Что солнце проснулось./ Что месяц гуляет./ Как юный олень./ Что месяц гуляет./ Что море сияет./ Что милая ждёт». Здесь гагара и реальная гагара, но и образ, символ нашего стремления к любви и красоте. Эта поэтическая гагара показала мне весь великий Русский Север, всю его первозданную красоту и сокровенность. В этом крике гагары Божий зов к нам, Божья любовь и тревога о нас. Сколько ни рассуждай, а всего не выразишь того, что заключено в этих словах. Поэт Василий Казанцев считает, что если бы от творчества Тряпкина осталось одно это стихотворение

– и оно одно сказало бы нам, что перед нами большой поэт.

В приведённых примерах слово становится у поэта образом, порой символическим образом. Хотя, видимо, все подлинные образы символичны. Порой один образ переплетается с другим, возникает некое образное поле – и как-то по-новому открываются эти образы.

* * *

Хочется ещё говорить о Тряпкине. Много можно его читать, перечитывать, думать. Вот скоро придут морозы – и вспомнятся строки поэта:

Девка мылася да белилася,
Да каблучный пытала стук,
А мороз рисовал папирусы
На окошке по сорок штук.

Папирусы эти прекрасны, но и очень я люблю этот жест – «да каблучный пытала стук». Это жест из другого времени, я как сейчас вижу, как наряжается девушка или молодая женщина и по особенному стучит каблучком – в этом стуке такой задор, такая жизнь, такая надежда!

Как хорошо, что перед самым столетним юбилеем поэта «Литературная Россия» издала его полновесную книгу – «Звёздное время». Как хорошо, что в Центральном доме литераторов прошёл очень насыщенный поэзией Тряпкина вечер, посвящённый его юбилею, – поклон Алле Васильевне Панковой (Бюро пропаганды художественной литературы). Здорово, что по инициативе Алексея

Полуботы, Григория Шувалова и их друзей были собраны деньги на хороший памятник на могиле поэта. Хорошо, что Тверь подключается, Лотошино обещает регулярно проводить фестиваль в честь Николая Ивановича... Дай Бог!

Найдены метрики, что поэт родился 22 ноября по старому стилю (5 декабря по новому). Но сам Тряпкин отмечал своё рождение на Николу Зимнего – 19 декабря. Будем и мы придерживаться воли Поэта.